

Разбить пиньяту

Маркус Агирре

Наверное, нужно было уйти намного раньше, и тогда бы он не получил этот подарок. Лучше бы ему никто ничего не дарил. нежели вот этого монстра. Ему почему-то стало очень больно и страшно, и он не хотел ни с кем говорить. Сначала ему вообще хотелось выкинуть этот подарок в костёр, потом ему захотелось побить Стефано, откусить ему голову. Правда, эту мысль он откинул, предположив, что тогда за этого итальянца заступятся все, кто там был. А он, Маркус? Кто бы заступился за него? Кто бы пом ему? Яреци? Это вряд ли. Хотя он был благодарен сестре, что тогда она за него вступилась. Хотя, наверное, он действительно один был виноват в том, что тогда произошло. Он не имел права срываться и кидаться на беззащитную девушку. Он должен был отойти дальше, он обязан был контролировать своего монстра. Он так и не извинился перед девушкой и её молодым человеком. Потому что он не только чудовище, но и трус.

Отгремели фейерверки, закончилось празднование Рождества, а Маркус всё шёл. Ноги замёрзли и болели, спина тоже болела, а горло стало драть. Он не знал, куда идёт, зачем идёт. Ему хотелось просто куда-то пойти. Куда-то, где нет людей. Видеть никого не хотелось, разговаривать тоже не хотелось. А пиньята... она создана для того, чтобы её разбить. Может, её разбить, вытащить конфеты, или что там Стефано туда спрятал, раздать кому-нибудь?

Он дошёл до домика в горах и постоял немного у входа. А потом решил, что это место для простых людей, нормальных, добрых, а не для такого монстра, как он сам. Поэтому он вздохнул и направился дальше. Но было холодно идти, спина и руки болели, и он вскоре остановился у валунов. Сел на землю, прислонился спиной к одному валуну и согнул ноги в коленях. Обнял их руками и стал задумчиво смотреть на гиену, надеясь, что она оживёт и сожрёт его. А потом перекинул взгляд на мрачные и едва различимые очертания домика, около которого он сидел. Настроение было отвратительное, но спасало то, что рядом никого не было. И что он никому не причинит вреда...

Маркус Агирре

Несколько дней прошли как в тумане. Он превращался в гиену и искал себе пропитание, питался падалью и охотился, старался проводить в зверином облике как можно больше времени. Потому что в зверином облике он был другим. Он был сильным, быстрым, ловким. К сожалению, он был человеком, которого никто никогда не любил и который не мог смириться с тем, что у него никогда не было друзей и он никому не нужен. Тяжело жить с осознанием того, что ты совершенно одинок в этом мире.

Может быть именно поэтому он ушел в горы, спрятался недалеко от домика в горах. Он не хотел никого видеть, ему было страшно с кем-то разговаривать. Он боялся, что снова привяжется к людям. И причинит им боль.

Взгляд случайно упал на пиньяту, которая была похожа на гиену, и он горько

хмыкнул. Почему-то рука не поднималась разбить эту штуку, чтобы извлечь из нее внутренности.

В домике никого не было, но он боялся туда заходить. А вдруг пока он там будет в домик зайдут нормальные люди, которые захотят погреться и устроить себе ночлег? А там он будет сидеть. Чудовище, монстр. Поэтому он бывал там редко. В основном сидел у валунов и питался только в облике гиены.

Вот и вчера вечером он снова охотился, а потом, почувствовав сильную усталость, лег спать. Ночью ему стало сначала очень холодно, а потом стало очень жарко. Он с трудом переполз в домик, где свернулся калачиком около погасшего очага, и забылся беспокойным сном.

Джун Мотидзуки

После отличного празднования Рождества настроение у Джун стало практически безоблачным. Временами ему даже начинало казаться, что на одного человека счастья было даже как-то многовато, но отказываться он него или искать повод впасть в уныние Джун не собирался, наслаждаясь жизнью во всех ее проявлениях. На какое-то время он даже забыл о духах и прочих отягощающих, пока те сами не напомнили о себе, вызвав острое желание войти в транс.

И вот четные бусины снова забегали между его пальцами, а привычный мир постепенно отступил куда-то далеко, позволяя увидеть дорогу, по которой он шел уже много раз. Только вот сейчас она вела не к синтоистскому храму, а к знакомому ему домику в горах, где ему несколько месяцев назад приходилось отшельничать. И этот образ был настолько четким и зовущим, что Джун, выйдя из трансового состояния, сразу начал собирать свой безразмерный рюкзак для небольшого путешествия.

Перед отходом из монастыря он предупредил Доминику о своем небольшом путешествии, уверив ее в своей адекватности и отсутствии желания одичать где-нибудь в горах, оделся потеплее, накинул на плечи лямки своего верного спутника и отправился в дорогу. На этот раз плутать или использовать офуда ему не пришлось и к домику Джун вышел в самые короткие сроки, какие были возможны с учетом приличной отдаленности охотничьего домика от монастыря.

Стучаться в дверь молодой человек не стал, сразу войдя внутрь помещения, чтобы обнаружить на одной из циновок знакомое тело, находящееся, судя по первому осмотру в достаточно плачевном состоянии. Не собираясь бросать Маркуса без помощи, Джун первым делом достал из своего походного набора плед, которым укрыл "потрепанного" парня, а сам разжег огонь в очаге, откопал в углу старый чайник, наполнил его принесенной с собой в бутылке водой и поставил его нагреваться, присев неподалеку, чтобы контролировать процесс. Похоже, в этот раз высшие силы решили дать ему возможность вернуть долг, поменяв их с Маркусом местами, что сам Джун принял на данность, посчитав проявлением высшего закона справедливости.

Маркус Агирре

Гиена-пиньята смотрела на него своими желтыми глазами, а ее смех разрывал

сознание, выворачивал наизнанку и уничтожал. Человек становился все меньше и меньше, в то время как животное росло. В его сознании животное господствовало над разумом человека.

Маркус сжал края пледа, не понимая, что это что-то новое и постороннее, и сильнее зажмурился. Было страшно и снова стало холодно. Снова сны стали пробираться в его сознание. Он был чудовищем. Он уничтожал всех. Все, до кого он притрагивался, оставались истерзанными. Его преследовали кошмары, в сознание врезались крики боли и ненависти, и он ничего не мог поделать. Сердце бешено колотилось в груди, тело сотрясала крупная дрожь, нервная дрожь. Он не понимал, где страшный сон, а где реальность. Он метался по страшным лабиринтам, пытаясь найти выход и натываясь на живых людей, которые моментально становились растерзанными монстром.

Стало тепло, это тепло было внешним. Оно было заботливым и не опасным. Очередным призраком на его пути была малышка Кимико, и он сильно зажмурился, боясь увидеть как гиена разрывает ее на части. Он застонал.

В домике, куда он перебрался ночью, было светло и тепло. Маркус сел и посмотрел на плед, которым был укрыт. В очаге весело потрескивали поленья, в чайнике закипала вода. Он вздрогнул и увидел Джуна, который сидел напротив. Резко дернулся и отполз в угол. Сжался в комочек и бросил случайный взгляд на пиньюту. Вздрогнул и посмотрел на Джуна.

- Я... прости, я сейчас уйду... я... не подходи ко мне... - прорычал он и сам испугался своего голоса.

Это был всего лишь невинный подарок от Санты, но почему это так его накрыло и бомбануло?

- Я... монстр? Я не должен находиться среди людей? - прошептал он, пряча голову в колени.

Джун Мотидзуки

Пока Маркус спал, если его метания по циновке и стоны можно было назвать нормальным сном, вода практически закипела, и Джун собирался заняться приготовлением чая. Но сделать он так ничего и не успел, поскольку парень проснулся и резко подскочил со своего места, словно присутствие Джуна было чем-то ужасным и нарушающим планы по одичанию, или чем там занимался Маркус в одиночестве в охотничьем домике.

- Зачем тебе уходить. Это, считай, я к тебе в гости зашел. Будешь чай? - молодой человек старался, чтобы его голос звучал буднично и не провоцировал новые эмоциональные всплески, которые сейчас были совсем не к месту.

- Монстр? Да с чего? - Джун думал, что Маркус хоть как-то примирился со своей звериной сущностью и не понимал, с чего парня снова так сильно пробрало на "гиеновую" тему. - Ты вполне обычный человек. Ну, не совсем обычный, но уж точно не страннее меня самого. А раз ты человек, то и находиться должен среди людей, а

не торчать в этом домике. И вообще, решишь здесь засидеться, посчитаю твое поведение подражанием.

Джун улыбнулся, показывая, что шутит, вытащил из рюкзака небольшой заварочный чайничек, в который засыпал Дянь Хун, прекрасно подходящий случаю и, немного подождав, пока закипевшая вода понизит свой градус, залил чайные листики. Оставалось только дождаться пока напиток заварится и, уже в ближайшие минуты, насладиться вкусом согревающего красного чая.

Маркус Агирре

- Я не торчал в этом домике. Я... охотился... старался как можно больше быть гиеной. А ночью было очень холодно, и я пришёл сюда погреться... - Тихо прошептал Маркус, обнимая колени и дрожа не то от холода, не то от нервов. Потом поднял голову и посмотрел за тем, как молодой шаман заваривает чай.

Сон никак не хотел его отпускать, и снова прикрыл глаза. И снова он оказался в непонятном лабиринте и смотрел на растерзанные тела отца и тётки. А подальше лежали ещё тела других людей. Он был чудовищем. Не его зверь, а он сам. Его зверь просто охотится, убивает, отнимает, чтобы выжить, а он... Он убивает всё хорошее, чтобы заполнить деньги отца. Уничтожал любовь, счастье. Душу.

- Можно мне чаю? - спросил он через достаточно долгое время, предполагая, что эта просьба не будет услышана. Потому что он не привык, что о нём может кто-то заботиться, хотя последнее время чувствовал заботу, но не знал, как на неё реагировать. - мне холодно, - пробормотал он, беря плед и закутываясь в него.

Джун Мотидзуки

- Ты бы завязывал с существованием в звериной шкуре, - покачал головой Джун на откровения Маркуса. - Так можно и заиграться.

Сам он прекрасно понимал, как легко было порвать нити, связывающие с реальным миром и превратиться в жалкое подобие человека, но пока решил обойтись без нравоучительных речей, боясь, что не достучится до Маркуса, погруженного в какие-то свои переживания и, судя по всему, плохо воспринимающего все, что происходило вокруг.

- Да пожалуйста. - Джун и так собирался налить Маркусу чай, а раз уж тот сам обратился к нему с этим вопросом, не расслышав его первоначальное предложение, не стал с этим затягивать, благо Дянь Хун уже заварился и начал радовать своим приятным ароматом. - Вот, держи. - Наполнить имеющуюся в наличии кружку и поставить ее рядом с Маркусом было делом одной минуты. - Этот чай отлично подходит для употребления в зимнее время, поскольку хорошо согревает и, говорят, помогает при простуде. А вид у тебя очень даже болезненный.

То, как парень кутался в плед наводило на определенные размышления. В домике сейчас было, его стараниями, тепло, так что Маркуса скорее всего знобило от нервов или более понятных причин, связанных с наступающей болезнью. И последний вариант Джун устраивал меньше всего, поскольку оттягивал их вероятное возвращение в монастырь, поскольку оставить нуждающегося в его

помощи человека он не мог практически ни при каком повороте событий.

Маркус Агирре

Маркус с благодарностью принял чашку и сделал несколько глотков. Этих неуверенных и спокойных глотков хватило, чтобы сознание хоть немного прояснилось. Он отставил чашку, заметив, что руки трясутся. От слабости или нервов - он не знал. Протер руками лицо и глубоко вздохнул.

Взгляд снова упал на пиньяту, и он горько хмыкнул. Потом взял этот подарок с руки и стал рассматривать, не обращая на Джуна внимания. Он не знал, что делать с этим подарком, точнее он знал, что надо разбить пиньяту и съесть спрятанные в ней конфеты. И разделить с Джуном, который каким-то неведомым образом нашел его и старался оказать поддержку. Все еще было непонятно, а почему до него есть какое-то кому-то дело.

- Спасибо, - вздохнул он и посмотрел на молодого шамана. - Некоторое время назад мне отец предложил поехать в Африку, и я пытался сейчас больше времени проводить в облике, чтобы получше узнать это животное. Но... - он снова посмотрел на пиньяту. - Почему мне напоминают о моем животном? Ведь я же не виноват, что превращаюсь в гиену. Или... виноват?

Голос снова дрогнул, и он снова закутался в плед, хотя от чая стало тепло.

Джун Мотидзуки

Маркус взял поставленную рядом с ним кружку, демонстрируя, что старания Джуна были не напрасны. Ему следовало как-то привести парня в адекватное состояние, но для этого требовалось подобрать правильные слова, если такие вообще существовали. И пока он эти самые слова подбирал, Маркус удивил его неожиданным признанием о грядущей поездке в Африку.

- Ты уверен, что тебе это нужно? - по мнению Джуна подобное решение сулило немало проблем в будущем, но если встреча с обычными гиенами могла как-то помочь парню разобраться в себе, он не видел смысла старательно его отговаривать.

- Ты про подарок? - он перехватил взгляд Маркуса. - Я бы не стал принимать все так близко к сердцу. Это обычная безделушка, а что касается гиены... Не ты же выбирал, в какое животное превращаться. Да и гиена мало чем отличается от других хищников. Не нужно мерить животное по меркам современного человека. По этим меркам тот же лев был бы распоследним моральным уродом, но ты же сам понимаешь, насколько подобные рассуждения абсурдны.

Сам Джун тоже не так давно обнаружил наличие у себя звериной сущности, но проблем подобных тем, что имелись у Маркуса, не испытывал, поскольку всегда любил журавлей. И пусть перспектива в кого-то превращаться пока казалась ему чем-то диким, он не сомневался в своей способности как-то с этим разобраться, как он разобрался ранее с голосами в своей голове.

Маркус Агирре

- Ну а что делать? - Хмыкнул он, вспомнив, как отец быстро куда-то засобирался, узнав, что Маркус превращается в это животное. Он был уверен, что все дело именно в этом животном, ведь пусть всякие Википедии и какие-нибудь другие библиотеки говорят, чтт это животное чуть ли не душка, все равно считается, что гиена - это падальщик. Грифы тоже могут охотиться, но все прекрасно знают, что на запах раненого животного сбегаются сначала гиены, а потом грифы.

- Я уже прочитал много информации про этих животных, - он хмыкнул. - Но почему именно гиена? Почему не волк? Почему не рыба? А это нескладное и своеобразное животное? И... ты знаешь, что у них там матриархат? Всем заправляет самка. А самцы... им даже охотиться нельзя...

Маркус отшвырнул пиньяту и снова закрыл глаза. Сильно заболела голова, где-то в районе висков. Он помассировал виски пальцами руки и вздохнул.

- Спасибо, что помогаешь мне. Но... зачем? Типа долг возвращаешь? - он слабо улыбнулся и допил остывший чай. - Можно мне еще чаю?

Джун Мотидзуки

- Учиться лучше понимать своего зверя, - ответ был для Джун очевиден. - А здесь это можно делать не хуже, чем в Африке. А еще и в монастыре полно опытных мастеров, которые способны, в случае необходимости, дать полезный совет. Но дело, конечно, твое.

Пусть он и не до конца понимал метаний Маркуса, считал, что парень имеет право распоряжаться своей жизнью так, как посчитает нужным. На большинство вопросов верных или неверных ответов не существовало, и каждый мог сам для себя выбрать вариант, который подходил именно ему.

- Ну а почему у меня глаза темные, а у тебя светлые? Есть вещи на которые мы никак не можем повлиять, так что приходится принимать их как данность. Я могу надеть ярко-голубые линзы, но это будет обманка, которая никак не изменит того факта, что глаза у меня темно-карие. - Джун устало вздохнул. - Лично я ничего против гиен не имею. Как по мне, так у них очень симпатичные ушки и вполне себе приятные морды, когда они, конечно, не скалятся.

Рассказывая о внешних достоинствах гиен, Джун не пытался посмеяться над Маркусом или его обмануть. Пиньята, напоминающая гиену, породила мысль вырезать фигурку этого животного из дерева, хотя плюшевый вариант, умей он шить игрушки, по его мнению, был бы намного милее.

- Можно вспомнить и про долг... - протянул Джун, забирая кружку Маркуса и заново наполняя ее чаем, - но, если честно, я стараюсь не бросать людей, которым могу помочь, если они только не распоследние негодяи. А ты вполне нормальный парень, так что не вижу причин отказывать тебе в помощи.

Что бы там Маркус не натворил в прошлом, сам он никогда не видел от двоюродного брата Яреци ничего плохого. Даже наоборот, тот ему сильно помог, не дав

окончательно слететь с катушек, так что Джун испытывал к нему вполне себе приятельские чувства, перемешанные с чувством благодарности.

Маркус Агирре

- Если честно, я хочу поохотиться. И... моему зверю здесь неудобно. В саванне нет таких гор, там равнины. Там климат другой. Мне будет тяжело, хотя я вырос в жаркой стране. Но... познать своего зверя лучше там, где он обитает. Особенно если есть такая возможность.

На это отец дал ему денег, достаточно много, чтобы на всё хватило, правда потребовал потом отчитаться, вернуть чеки и сдачу. Раньше бы это показалось Маркусу унижительным, но сейчас он был благодарен отцу даже за это.

- Я хочу подраться. С львицей. Здесь, насколько я знаю, нет львов. А тигр... боюсь, тигр меня одним ударом убьёт. - Он как-то думал над тем, чтобы попросить кого-то из мастеров, которые имеют тигриную звероформу, устроить с ним поединок. Но тигр сам по себе огромен и очень сильный. Хотя уступает по некоторым показателям. Есть ещё другие кошки. Но самое главное, что все они из другого ареала обитания. И Маркус-гиена совершенно не знает, как с ними быть. Поэтому желание встретиться с настоящим львом в естественной среде обитания было хоть и безумным, но логичным. Каждому животному нужен соперник. А там уж как повезёт. По крайней мере, он сомневается, что кто-то будет сильно грустить по нему, если с ним что-то случится.

Он вздрогнул от своих мыслей и мотнул головой, которая продолжила болеть.

- Если бы всё дело было в цвете глаз... - обречённо вздохнул он. Может, он действительно был похож на своего зверя? Ведь что бы там ни говорили, гиена прежде всего падальщик, который не побрезгает своим сородичем. Гиена запросто может убить сородича, а потом со своими друзьями его сожрать, сопровождая это хохотом. И у них это нормально. Потому что только гиена может съесть себе подобного. Может быть ещё кто-то, но это уже не из млекопитающих. А, джунгарские хомячки жрут своих детей. - Может быть потому, что я сам похожу на эту тварь? Я никогда не вёл праведный образ жизни. Я чуть не убил когда-то мать Яреци. Может... это мы выбираем себе зверя, а не они нас?

Он чихнул и вытер нос рукавом толстовки. Потом снова закутался в плед и, придерживая его одной рукой, второй взял кружку чая. Напиток согревал, но нельзя сказать, что приятно. Марку почувствовал, как начала подниматься температура тела. Наверное, надо что-то сделать, ведь вряд ли Джун будет ухаживать за ним. Но без его поддержки Маркусу было бы хуже. Он вздохнул.

- Спасибо тебе. А ты? Как ты отметил Рождество?

Джун Мотидзуки

Если желание Маркуса лучше узнать своего зверя благодаря среде его обитания казалось Джун вполне адекватным, то заявление о драке с львицей заставило молодого человека поперхнуться только что налитым себе чаем. В жизни ему приходилось слышать немало безумных вещей, но, пожалуй, в этом деле сидящий

напротив парень превосходил всех его многочисленных знакомых.

- Тебе жить надоело? - поинтересовался Джун, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно. - Тогда в Африку ехать нет смысла. Можно и здесь найти какие-нибудь эффективные способы самоубийства.

По мнению Джун, отправляясь в опасное путешествие следовало сохранять предельную осторожность, а не провоцировать ситуации, способные плохо закончиться для безрассудного путешественника. Но, как он прекрасно понимал, свои мысли невозможно было вставить в чужую голову, поэтому приходилось ограничиваться попытками воззвать к голосу разума, если это вообще было возможно.

- Лично я никого не выбирал, - усмехнулся Джун на предположение Маркуса. - Но насколько я слышал, - он сразу посерьезнел, - какие-то особенности зверя вполне могут отразиться на нашем характере и поведении. Но опять же, это не делает нас плохими или хорошими, а просто добавляет индивидуальных особенностей.

Историю с матерью Яреци Джун не знал, поэтому не стал делать поспешных выводов. Да и ковыряться в чужом прошлом ему сейчас совершенно не хотелось, так что он предпочел уцепиться за следующий вопрос.

- Да у меня все отлично. Я Рождество отмечал с девушкой. Кстати, старик Жонг был прав. Появление в жизни девушки отбивает желание тратить время на всякую ерунду.

Сейчас ему было очень трудно долгое время думать о чем-то не связанном с Доминикой, так что о проблемах, подобных тем, с которыми Джун столкнулся несколько месяцев назад, он успел практически забыть, всю наслаждаясь счастливым и спокойным периодом.

Маркус Агирре

- Ну почему надоело? - Фыркнул молодой человек. - Просто я не уверен, что если есть какой-то звериный облик, нужно просто сидеть здесь и не пытаться понять, как сосуществовать с этим зверем. А я боюсь... мне порой кажется, что этот зверь сильнее меня и в какие-то моменты он управляет моим сознанием.

Он вспомнил недавнюю охоту, а еще он вспомнил тот ужас, который сотворила Яреци. Тогда это было его второе превращение, которое чуть не закончилось для него если не гибелью, то какими-то серьезными травмами. А учитывая истерику сестры, то он бы не смог спасти свою племянницу. И... Он мотнул головой, стараясь не думать об этом и даже не допускать мысль, что такое могло произойти.

- Вот, отразиться на характере, - расстроено произнес молодой человек, снова массируя виски пальцами руки. Он больше не стал ничего комментировать. Просто улыбнулся.

- Я тоже был с девушкой, мы устанавливали фейерверки. А потом ко мне пришел парень Дарсии, и вот... если бы он ко мне не пришел, я бы не был здесь...

Наверное... - Неуверенно добавил он.

А потом он посмотрел на пиньяту.

- Поможешь мне ее разбить? В идеале ее надо подвесить и колотить по ней палками. Никогда не занимался эти . А тебе, наверное, было бы интересно... - Предложил он.

Джун Мотидзуки

- Нет, то, что ты хочешь научиться сосуществовать со своим зверем я понимаю, но вот твоё желание подраться с львицей кажется мне достаточно диким.

Сам Джун не испытывал ни малейшего желания мериться с кем-то силой, предпочитая другие способы, позволяющие убедиться в собственных способностях, поэтому идея Маркуса, с какой бы стороны он ее не рассматривал, казалась ему слишком радикальной и требующей тщательного обдумывания.

Слова по поводу характера Джун комментировать не стал. По его мнению, парень слишком драматизировал, приписывая гиене исключительно неприятные ему черты, но, с другой стороны, сам Джун понятия не имел, как бы реагировал, узнав о необходимости превращаться в подобное животное.

По тому, что Маркус ушел сразу, как получил подарок от Стефано, молодой шаман сделал вывод о несколько ином, в случае его собеседника, времяпрепровождении с девушкой, поскольку его самого от Доминики не смог бы оторвать не только парень Дарсии, но и все ее родственники вместе, включая не проживающих в монастыре. Но даже если Маркуса на поляне для празднования ничего не держало, его решение застрять на несколько дней в районе охотничьего домика казалось Джуну чрезмерно смелым с учетом не настолько уж и трагичной ситуации.

- Если тебе этого действительно хочется, то можно и разбить. - Он внимательно посмотрел на парня, пытаясь понять, действительно ли тот желает побыстрее отделаться от нежеланного подарка. Хотя идея воспринимать пиньяту просто как пиньяту и использовать по назначению ему понравилась, если, конечно, Маркус смог бы посмотреть на вероятное действие именно в этом безопасном ключе.

Маркус Агирре

- Может и не буду драться, - пожал он плечами, решив вообще больше не разговаривать на эту тему. Вот сейчас его назовут идитом, потом будут отговаривать от этого, потом снова назовут трусом, а потом отец снова будет полоскать мозг, что он ничего не хочет делать и менять. Может вообще уехать не в Африку, а куда-то в другое место, потратить деньги отца, пожить спокойной жизнью, повстречаться с девушками, покурить, жить так, как он жил до недавнего времени. Раз отец его любит, то, наверное, поспособствует его благополучию.

Маркус посмотрел на пиньяту и хмыкнул. Нет, оставлять он её точно не будет, а вот разбить и съесть всё содержимое можно попробовать. Хотя сейчас не хотелось не только думать о еде, но и вообще шевелиться. Потому что голова болела и кружилось, а в теле был жар. Он не был уверен, что ему сейчас стоит

возвращаться в монастырь, пусть его там могут вылечить, да и не был уверен, что Джун решит остаться. Всё-таки Джун может спокойно уйти, заняться своими делами, а не сидеть тут с ним и не слушать его сопли. Но с другой стороны Маркусу было страшно оставаться одному. Нет, он не будет просить Джуну остаться, ему этот парень ничего не должен.

- А что с ней делать? Можно, конечно, в огонь бросить. Но там наверняка конфеты лежат, - пожал плечами он и осмотрелся. В домике не было никакой палки, и он попытался встать с циновки, вот только в теле была сильная слабость, а ноги заболели. Он тяжело опустился обратно и обнял ноги руками. Мотнул головой и зажмурился. - Если хочешь, можешь её сам разбить. Это интересно, - он слабо улыбнулся.

Джун Мотидзуки

Хоть Маркус и не стал настаивать на воплощении в жизнь его странной идеи по поводу драки с львицей, Джуну казалось, что парень от нее так и не отказался. Правда, посчитав, что это не его дело, юноша решил не лезть с советами и нравоучениями, поэтому сразу уцепился за возможность переключиться на другую тему, связанную с наделавшей много шума пиньятой.

- Ну уж нет, я твою пиньяту разбивать не буду. - Джун не собирался становиться третьим лишним в отношениях Маркуса и его подарка. - Если уж кому с ней разбираться, то только тебе. Правда никакой палки у меня нет, так что придется "биться" с ней голыми руками, а вот как-нибудь ее повесить я попробую.

Уходя в горы, Джун всегда запихивал в свой "бездонный" рюкзак всякую всячину на случай неожиданных ситуаций, поэтому, немного порывшись, вытащил из него кусок плотной бечевки. А дальше дело было за малым - отрезать от нее длинный кусок припасенным перочинным ножиком, обвязать пиньяту и найти место, куда ее можно повесить. Причем, проблемы возникли только с последним пунктом, поскольку до этого охотничий домик, наверняка, не видел подобных развлечений, а потому не предполагал в себе никаких крюков с потолка и прочих полезных в хозяйстве вещей. К счастью, внимательный осмотр все же позволил обнаружить в стене что-то сильно напоминающее толстый ржавый гвоздь, позволивший, наконец, повесить пиньяту и почувствовать удовлетворение от успешного завершения взятого на себя дела.

- Можно разбивать или разрезать. - Джун протянул Маркусу нож, показывая, что при желании тот может им воспользоваться. Скорее всего шевелиться парню сейчас не хотелось, но тему с гиенами стоило закрыть, чтобы потом полностью сосредоточиться на его не самом лучшем состоянии, с которым юноша пока не представлял, что и делать.

Маркус Агирре

В какой-то момент на него навалилась странная усталость, захотелось спать, но он заставлял себя наблюдать за действиями Джуну. Лучше бы тот вообще ничего не делал и просто оставил его одного. Почему нельзя его оставить в одиночестве? И зачем вообще нужна эта пиньята?

Он мотнул головой и зажмурился от сильной и острой боли. Но Джун, закончив с

прикреплением пиньяты к какому-то гвоздю в стене, протянул Маркусу нож, и парею обреченно его взял и поднялся с пола. Пошатнулся от головокружения и каких-то мух, летающих перед глазами, а потом взял ножик, подошел к этой игрушке, которую обычно разбивают на праздник, когда везде царит веселье, бегают дети и взрослые в праздничных колпаках, поют песни и радуются. Тогда пиньята представляет собой шар с приклеенными к нему конусами, и по нему надо дубасить палкой. Взрослые подбадривают детей песней, а дети радуются выпавшим из нее конфетам. Маркус лишь однажды был на таком мероприятии - тетку пригласила подруга на день рождения кого-то из родственников, и дети там разбивали эту штуку.

Он глубоко вздохнул и ударил ножом по этой штуке. Но так как она висела, то попасть по ней было проблематично. Второй удар был более сильный и яростный, и он достиг цели. Маркус разрезал ее, и оттуда на пол высыпались самые разные конфеты. Молодой человек, почувствовав сильное головокружение и еще что-то непонятное, сложил нож, протянул его Джуну и, бросив сухое "угощайся", снова забился в свой угол и спрятал голову с колени.

- Спасибо тебе за помощь. И... наверное, за участие. Я... завтра утром приду в относительную норму, так что ты можешь идти. Только... ты можешь мне оставить чай?

Он посмотрел на молодого человека и слабо улыбнулся, надеясь, что тот действительно уйдет. Зачем ему сидеть здесь, когда у него там есть друзья и девушка? Они будут переживать, если он пропадет надолго.

Джун Мотидзуки

Протягивая Маркусу нож, Джун не был уверен, что тот предпочтет "нападать" на пиньяту, как заправский бандит на заплутавшую в темном переулке жертву, но двоюродный брат Яреци решил остановиться именно на этом варианте. И, сразу оценив, как плохо его держат ноги, Джун посчитал выбор верным, поскольку он позволял разобраться с недоеденной быстро и без особых физических усилий со стороны находящегося в достаточно плачевном состоянии парня.

- Спасибо, - коротко ответил юноша на предложение Маркуса угощаться конфетами, после того, как с пиньятой было покончено. Он не претендовал на конфеты, поскольку за рождественские праздники наелся сладостей на несколько месяцев вперед, поэтому просто вернулся на свое первоначальное место, чтобы заново заварить чай.

- Так не пойдет, - сообщил Джун, выслушав мнение Маркуса по поводу своих ближайших действий. - Сегодня ты отпаиваешься чаем, заворачиваешься в плед и спишь, а завтра я тебя, при любом раскладе, тащу в монастырь. Там, если что, и подлечат. А поскольку в таком состоянии сопротивляться ты не сможешь, предлагаю облегчить нам обоим жизнь, смирившись с неизбежностью и постаравшись набраться сил к завтрашнему переходу.

Как бы Джун не хотел поскорее вернуться в монастырь, где оставалась его Доминика, бросить Маркуса одного он не мог по причине общего человеколюбия и неплохих отношений с запутавшимся в своих проблемах парнем. Да и тот факт, что

в охотничий домик его привели духи, не стоило списывать со счетов. Джун привык доверять их указаниям, и, если те считали, что сейчас он должен находиться здесь, значит так оно и было.
